

ПОЭЗИЯ

Виталий АМУРСКИЙ	
Стихи разных лет	153
Аркадий КОБЗЕНКО	
Шмелем пустым мелькнула осень... ..	161
Михаил ЯСНОВ	
Праздник утрат	169
Аркадий ГУРОВИЧ	
Медитации	177
Виктор ДЗЮБА	
Триптих	183
Александр МАРДАНЬ	
Колыбельная незнакомке	186
Ирина БЕНЬКОВСКАЯ	
Гензель и Гретель	190

Виталий АМУРСКИЙ

О моих стихах

Предлагаемые тут стихи были написаны в разное время. "В плащах немодных, в стоптанных ботинках..." и "Бессонница" — в конце 60-х. Это — Москва. "Модильяни" и "Площадь Тертр" — осень 1970-го, в них отразились какие-то мои настроения, связанные с первой поездкой в Париж. Тогда я еще не представлял, что через три года советские власти, сделавшие из меня "диссидента" (коим я в действительности никогда не был), "предложат" мне навсегда покинуть родину, и, волею судьбы, я окажусь опять во Франции... Лето 1973 г., то есть период, когда в каких-то кагэбэшных инстанциях решалась окончательно моя судьба, было для меня временем исключительно трудным. Стихотворение "Не расти цветам под сапогами..." в определенной степени передает мое тогдашнее состояние. "Новогоднее" — своеобразный итог усталости. Какой-то внутренний провал... Получилось так, что, оказавшись окончательно во Франции поздней осенью 1973-го года, следующий, то есть, по существу свой первый год эмиграции, я встретил в тихом альпийском уголке, недалеко от Гренобля. Хозяева приютившего меня дома были люди приветливые, но привычек своих, как я понял, не меняли даже по праздникам. Часов в десять вечера, после ужина, во время которого был как-то помянут год уходящий, и сказано что-то дежурное по случаю наступающего, они отправились на ночлег. Я же остался в полном одиночестве в комнате с печкой, слушая, как гудит за окном ветер. Слава Богу, у меня были бумага и ручка. И бутылка вина... Строки, посвященные памяти Вадима Козового (1937, Харьков — 1999, Париж), родились значительно позднее. Он был исключительно одаренный человек — поэт, переводчик... В 1957 г., тогда студент МГУ, за участие в университетской подпольной группе арестован и осужден на 8 лет лагерей строгого режима. Отсидел шесть. Это — Мордва, печально известная ст. Потьма, п/о Явас. После освобождения обосновался в Москве, сделал немало для того, чтобы русский читатель смог познакомиться с творчеством Поля Валери и других французских поэтов. В 1981 г. эмигрировал. Жил и работал в Париже. Печатался во Франции, и — с 1990 г. — в постперестроечной России. 22 марта 1999 г. скоропостижно скончался в своей парижской квартире. В пишущей машинке его осталась страничка с незавершенным переводом Рембо. Я знал Вадима, бывал в той самой комнате...

Должен сказать, что за десятилетия жизни стихов мною написано, точнее — сохранено, не очень много. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую признательность друзьям-одесситам, чье душевное расположение и взаимопонимание согревает меня за тысячами верст, и особенно Евгению Голубовскому, — за предложение выступить в "Дерибасовской — Ришельевской" с этой подборкой.

Дай вдохнуть того, что не успела,
То, что не растоптано ещё...

.....

Ночь плыла. Метель иль скрипка пела.
Пушкина читали. Плакало дитё.

Москва

Новогоднее

Мурлычет пламя в печке, как котенок.
За окнами метельная пора.
Как сладко после стужи и потёмок
Взгляд погрузить в горящие дрова.

Быть благодарным утлону уюту,
Перу, бумаге, кислому вину,
Часам, что в эту самую минуту
Минувший год уводят в темноту.

И, всем его обидам сделав скидку,
С беспечной и щемящей простотой
Послать ему печальную улыбку,
Себя поздравить с новой пустотой.

Французские Альпы,
деревня Мелан.

Как нищему, мне парк бросает медяки своей листвы
И дарит тишину светло и мудро.
Кого благодарить за это утро,
За жгучесть воздуха в преддверии зимы?

За синь небес и облаков неспешный бег,
За радость быть вне склок и суеты,
С природой говоря на "ты",
Не думая, который час иль век?

Ну, что с того, что жизнь полна утрат,
И тех, кто близок был, редет круг,
Когда по-прежнему мне Пушкин — лучший друг,
И Боратынский — верный брат...

Что в дни такие нас сближает и роднит?
Ветвей прозрачность, паутинок блеск,
Стремленье к перемене мест,
Родного языка родник?

Аллея Керн, забытая любовь,
Бульвар Никитский, Люксембургский сад... —
Всё позади, но холодок, как много лет назад,
"И с каждой осенью я расцветаю вновь..."

Н. Дронникову

Сколько раз среди городского гама,
Взятый в плен парижской суетой,
Бредил я стогами Левитана,
Нестеровской тихой красотой.

В зареве вечернего Монмартра
Пробуждал в душе стакан вина
Талый снег юоновского марта,
Серебро берез Головина.

И, случилось, что в конец усталый
Здесь не знал, не ведал я ночей
То от струн Высоцкого гитары,
То от гомона саврасовских грачей.

С улочки Латинского квартала
Виделись мне в небе журавли —
Может их Россия мне послала
Знаком нерастраченной любви.

Париж — Крелей

Машинки пишушей ребро
И лампы полукруг.
Ещё тепла строка Рембо,
Но холодно вокруг.

И молча смотрят книжный шкаф,
Потёртый старый стул,
Как головой на стол упав,
Хозяин их заснул.

Ночной Париж. Остывший чай.
А где-то, сбившись с ног,
Спешит сказать ему: "Прощай!"
Мордовский ветерок.

Ник. Горбачеву

— Ну, как там, старина, в краю ином
Всё то, что ностальгией мы зовём?..

— Скажу тебе по совести, приятель,
Мне дым отечества и сладок и приятен,
Но грустно видеть, на родной стремясь порог,
Отечества сгоревшего дымок...

Шмелем пустым мелькнула осень...

И день, и ночь,
и промежутки,
навечно
втиснутые в сутки,
и сами сутки —
все творенье
бессменного земли вращения
и солнца, спящего глаз.

О, день, мерцаешь, как алмаз,
и ночь,
царица твоих снов...

Сумерки — смерть.
Утро — утрата.
Ночи ко дню прикасаться не надо.

Но есть в году сутки волшебные,
два поцелуя кратчайше мгновенные.

Р а в н о с т о я н и е .

Встреча — прощание.

В ночи, в черноте
смерть с смертельной косой,
ее догоняет петух золотой,
рожденный из синей лазури.
А вдали за горой
есть шатер голубой.